

людей: „ежели бы Сперанскій былъ изъ того же общества, изъ котораго былъ кн. Андрей, того же воспитанія..., то Болконскій скоро бы нашелъ его слабыя, человѣческія, не геройскія стороны, но теперь этотъ странный для него логическій складъ ума тѣмъ болѣе внушалъ ему уваженія, что онъ не вполне понималъ его“ ¹⁾. Князь Андрей-атеистъ, разочаровавшись въ своихъ прежнихъ исканіяхъ уже передъ Пьеромъ сталъ развивать философію „жизни для себя“ и только. Но эта „жизнь для себя“ требовала извѣстнаго обоснованія, котораго Болконскій не могъ найти ни въ религіозности княжны Маріи, ни въ масонствѣ Пьера, поэтому онъ ищетъ его пока въ рационализмѣ. А Сперанскій вселяетъ въ кн. Андрея, у котораго категорія разума все еще борется съ совѣстью, какое-то особое уваженіе: „Главная черта ума Сперанскаго, поразившая кн. Андрея, была несомнѣнная вѣра въ силу и законность ума, видно было, что никогда Сперанскому не могла придти въ голову та обыкновенная для кн. Андрея мысль, что не вздоръ ли все то, что я думаю, и все то, во что я вѣрю?“ ²⁾ И вотъ подъ влияніемъ Сперанскаго кн. Андрей — „чего онъ никакъ не ожидалъ“ — сталъ работать надъ Code Napoleon.

Но законодательная дѣятельность не можетъ дать отвѣта на мучившіе Болконскаго вопросы совѣсти, смысла жизни: „развѣ все это можетъ сдѣлать меня счастливѣе и лучше?“ Отвѣтъ заключается уже въ самомъ вопросѣ: „и это простое разсужденіе вдругъ уничтожило для князя Андрея весь прежній интересъ совершаемыхъ преобразованій“ ³⁾. Отсюда рождается разочарованіе и въ одномъ изъ главныхъ инициаторовъ этихъ преобразованій, и во всемъ обществѣ, окружающемъ его также безсильномъ разрѣшить его вопросы. Князю Андрею „стало смѣшно, какъ онъ могъ ждать чего-нибудь отъ Сперанскаго и отъ всей своей дѣятельности, связанной съ нимъ“. И поэтому уходитъ изъ области „дѣланія исторіи“.

Но едва ли не болѣе всего знаменательны для кн. Андрея, — и для его творца, Толстого, — тѣ мысли—итоги, которые онъ подводитъ всей государственной дѣятельности: „онъ вспомнилъ о своей законодательной работѣ, о томъ, какъ онъ озабоченно переводилъ на русскій языкъ статьи римскаго и французскаго свода и ему стало совѣстно за себя“. Тутъ вы ничего не слышите о работахъ Сперанскаго, въ дѣйствительности имѣвшихъ большое

¹⁾ „Война и Миръ“ Т. II стр. 205.

²⁾ Ibid. Т. II стр. 207.

³⁾ Ibid. Т. II стр. 252.